

ЛУВР

ПАМЯТНИКИ
ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ



Памятники всемирного наследия

Лувр

«ВЕЧЕ»

2002

Лувр / «ВЕЧЕ», 2002 — (Памятники всемирного наследия)

Эта книга рассказывает об одном из величайших музеев мира – Лувре, богатейшая коллекция которого представляет собой уникальную всеобщую историю искусств: от Древней Месопотамии, Египта до европейской живописи XIX столетия. Кроме того, бывшая королевская резиденция всегда привлекала романистов, поскольку в ее стенах разыгралось немало исторических драм. Об удивительной истории Лувра и его коллекций рассказывает это издание, предназначенное для широкого круга читателей.

, 2002

© ВЕЧЕ, 2002

Содержание

Введение	5
Глава 1. История Лувра в 800-летней истории Франции	7
Глава 2. Лувр во времена короля, хотевшего иметь все небо	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Екатерина Александровна Останина

Лувр

Введение

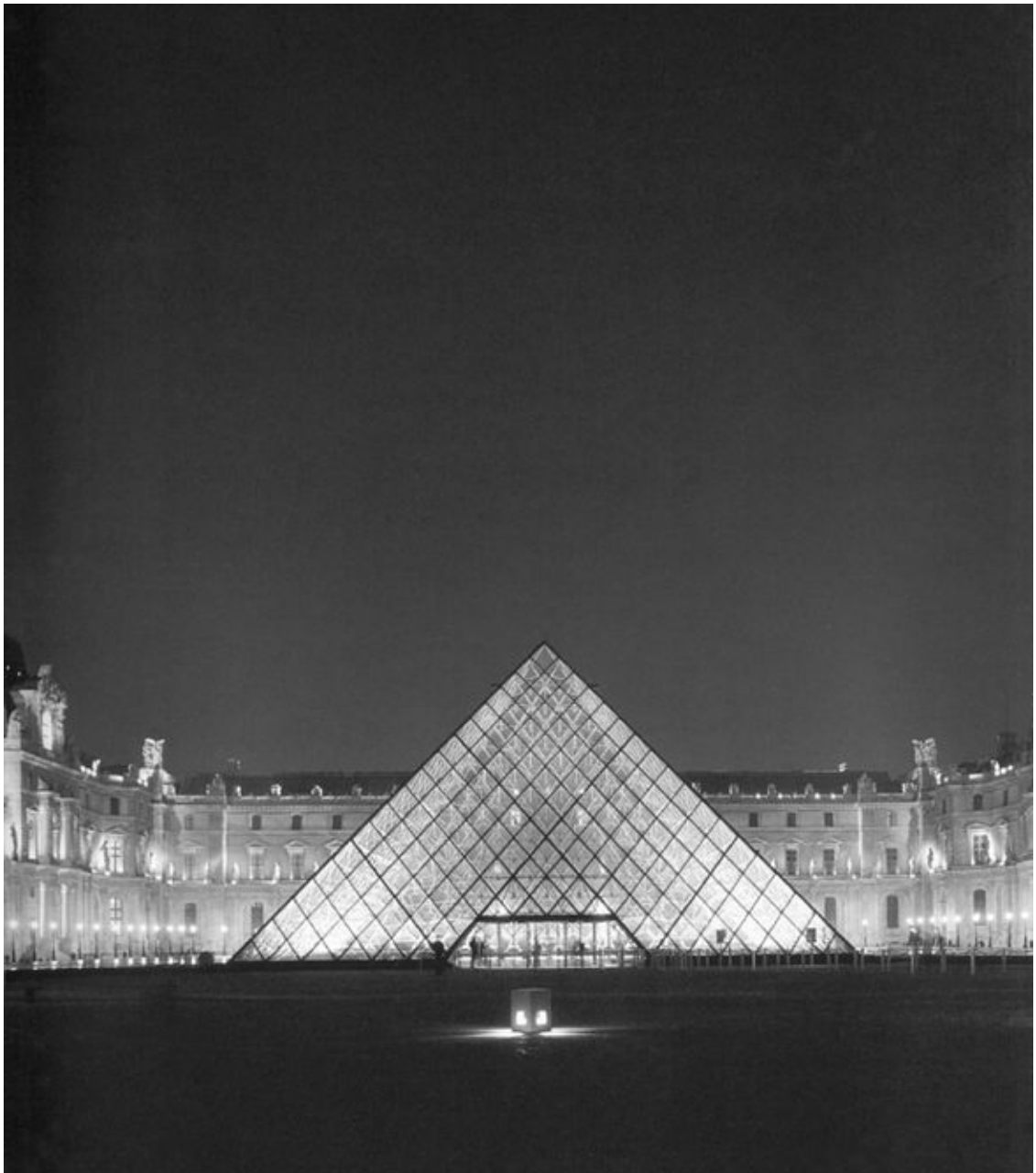
Давно известно, что Париж является самой настоящей находкой и для искусствоведа, и для простого любителя искусств. Это музей под открытым небом, хотя большинство исследователей считают, что Париж лишен архитектурного единства Флоренции, окутанной очаровательным флером Ренессанса, и строгой торжественной классики Санкт-петербургских строений.

Париж демонстрирует своему гостю самые разнообразные стили и направления; заворочит прозрачным кружевом церковных башен Сен-Жермен-л'Оксерруа, вблизи которых высится массивная и по-средневековому мрачная колоннада Лувра. Практически на одной линии находятся тающая в парижском мареве, почти прозрачная, знаменующая собой победу века железа и бетона Эйфелева башня и Военная школа – классический образец, почти символ французского зодчества XVIII столетия.

Интересно сочетаются полукруглый купол Дома инвалидов, возведенный Людовиком XIV, с Гран-пале и Пти-пале, выстроенными специально ко Всемирной выставке и находящимися около моста Александра III. Вокруг Дворца правосудия повсюду можно видеть строения, относящиеся к XVIII–XIX столетиям; и все эти здания окружают ажурную и кажущуюся почти невесомой церковь Сент-Шапель – готический шедевр. Однако все это разнообразие не создает ощущения беспорядочности, поскольку каждый из архитекторов, создававших свой шедевр, ориентировался на вкусы предшественника, стараясь гармонично вписать новое здание в окружающую его обстановку.

В настоящий момент Париж представляет собой город, застроенный до предела, и здесь исключением можно считать только Дворец ЮНЕСКО и Дворец радио.

Естественно, что музеи искусства являются продолжением этого города-музея. Мощные аккорды архитектуры поддерживаются многообразными, яркими творениями мастеров живописи, и все это великолепие является словно застывшей памятью для современников, напоминанием о давно канувших в Лету эпохах, о бессмертии человеческого гения. Все музеи Парижа как бы сконцентрированы около Сены, и их территория открывается как на ладони, с любой высокой точки. Например, можно подняться на Эйфелеву башню и взглянуть со смотровой площадки на правый берег реки. Гость сразу же видит огромный Лувр, словно живое существо, распростершее крылья, одно из которых стелется по набережной Тюильри, а другое – по улице Риволи. Между этими крыльями расположились Зеленый партер и арка Карусель.



Квадратный двор Лувра и стеклянная пирамида

Не менее любопытно посмотреть на Лувр с высоты знаменитого собора Нотр-Дам. Бес-
снежной французской зимой или в сиреневой дымке ранней весны, когда деревья еще не
покрылись пышной зеленой листвой, четко видны южный фасад здания и левое дворцовое
крыло, завершением которого служит Павильон Флоры. Так неразрывно связан Лувр с памят-
никами и всем внешним обликом старого города. Наверное, как ни в одном другом памятнике,
в Лувре всегда жил и до сих пор живет дивный гений французского народа.

Глава 1. История Лувра в 800-летней истории Франции

Прежде чем начать рассказ о Лувре, непременно следует сказать хотя бы несколько слов об истории возникновения Парижа. Этот город появился настолько давно, что Франция тогда еще не существовала как государство. Первый город на реке Сена был выстроен даже не галлами – предками современных французов, а римлянами. Галлия всегда отличалась необыкновенным богатством и плодородием, а потому неизменно привлекала интересы своего южного соседа – Рима.

Юлий Цезарь – наместник Галлии – достиг Сены в 52 году до н. э. Римский консул был поражен прелестью зеленого острова, расположившегося в излучине реки. В то время остров являлся местом жительства кельтов – паризиев. С прибытием римлян кельтам пришлось несколько потесниться и уступить место для гарнизонного городка, который получил название Лютеция. Остров именовался Сите, что в переводе с французского означает «город». Римляне застроили местность самыми необходимыми, на их взгляд, помещениями – термами-банями, а также устроили цирк, где могли проводиться гладиаторские бои (это место называлось Арены Лютеции, и до сих пор парижане могут видеть их развалины в районе Латинского квартала).

Изменилось название Лютеции с 358 года. Ее стали называть, благодаря кельтским племенам, Цивитас Паризориум, что, конечно, означает «город паризиев». Далее название упрощалось больше и больше; сначала оно сократилось до Паризии, а затем преобразовалось в сохранившееся до наших дней – Париж.

В середине V столетия началась эпоха, известная как Великое переселение народов. Галлия была заполнена полчищами гуннов, предводителем которых являлся жестокий вождь Аттила. Его имя боялись даже произносить вслух; едва кто-то восклицал: «Аттила!», как все жители города готовы были покинуть его и бежать от завоевателя. В этот момент проявила мужество молодая хрупкая женщина, пастушка Женестьева. Она обратилась к сородичам с призывом не бросать Париж, а, напротив, оказать неприятелю достойный отпор. Так самый прекрасный город мира был спасен юной Женестьевой, которую католическая церковь впоследствии причислила к лику святых. До сих пор у французов Женестьева считается покровительницей (патронессой) Парижа.

К концу V столетия на территории Франции сложилось государство франков, королем которого стал Хлодвиг Меровинг. Благодаря ему Европа была избавлена от ига мусульманских племен. Король Хлодвиг принял христианскую веру, а Париж избрал местом своей резиденции. Итак, в 987 году Париж сделался столицей Франкского королевства.



Лувр во времена Филиппа II Августа

Долгое время столица оставалась в пределах Сите. Первым королем, проявившим желание позаботиться о благоустройстве и расширении столицы, явился Филипп II Август (1180–1223). Именно он начал возведение Лувра и собора Парижской Богоматери. В те времена шли постоянные стычки между французами и англичанами. Король заботился о том, чтобы город был надежно защищен от нашествий врагов, в частности Ричарда Львиное Сердце. Город обнесли мощной оборонительной стеной. Кроме того, Парижу постоянно угрожали герцоги Нормандский и Аквитанский. В это время Лувр был не только надежной крепостью, но также тюрьмой и арсеналом, где хранилось оружие.

Филипп II Август возвел Главную башню Лувра, которая также часто называется Big Tower. В высоту данное сооружение достигало тридцати одного метра и венчалось характерной для Средневековья остроугольной крышей. Перепланировку этой башни осуществил Франциск I в 1527 году. На Big Tower он установил освещение, а внутри оставил склад оружия, продуктов и наиболее драгоценных личных вещей. Фундамент древней башни археологам удалось обнаружить в 1985 году во время проведения раскопок в этой части Лувра.

Итак, в XIII столетии на месте Лувра находился донжон с таким же названием. Прошло столетие, и к этому донжону прибавились постройки зодчего Раймона дю Тампля. В то время Лувр являлся крепостным замком, об облике которого читатель может судить по миниатюре из часослова герцога Беррийского, что находится в музее в Шантийи. Это прежде всего мощные башни, круглые, увенчанные наверху зубцами, с узкими проемами окон, стройными высокими кровлями и стрельчатыми сводами. Стены Лувра в то время в ширину достигали десяти метров, а в глубину – шести метров. Только за такими стенами можно было в безопасности сохранять казну и сокровища, а также содержать пленных.

В дальнейшем город рос, а крепостные стены отступали все дальше и дальше; кстати, именно поэтому Париж обладает радиально-кольцевой планировкой, которая с высоты кажется кругами, подобными тем, что расходятся по воде. Во времена Филиппа II Августа, помимо прочего, Париж украсился новыми церквями, множеством фонтанов и первыми мощеными улицами. Практически до конца царствования Иоанна Доброго Лувр оставался прежде всего

феодалным замком. К тому же многочисленные войны и междоусобные распри никак не способствовали развитию культуры.

Позже крепость начала утрачивать свою чисто военную функцию. Кроме того, Париж опоясала новая крепостная стена, таким образом как бы взяв под защиту и Лувр. Дофин Карл V позаботился о существенной перестройке крепости, и она превратилась в королевскую резиденцию. Карл V справедливо считал, что будет находиться в безопасности под защитой надежных стен Лувра; большая земля таила в себе постоянную угрозу: ведь невозможно было забыть тот страшный день во дворце Консьержери, когда восставшие горожане во главе со своим предводителем Этьеном Марселем ворвались в королевские покои и на глазах короля перебили всех его приближенных. Карл V хотел сделать Лувр настоящим дворцом, однако в стране разгорелась Столетняя война. На какое-то время Лувр вновь стал крепостью.

И все же, несмотря на войны и неурядицы, культурная жизнь начала потихоньку возрождаться. Карл V Мудрый был страстным коллекционером; он собирал рукописи, и именно его коллекция стала основой собрания рукописей Национальной библиотеки в Париже.

Придворные стремились следовать примеру короля. Карл V перенес в Лувр свою богатую библиотеку. В то время она насчитывала 900 разнообразных томов и манускриптов. По приказу короля в Лувре устраивались пышные сады, где высаживались экзотические растения; там бродили невиданные животные. Подобной же пышностью отличались и королевские покои.

Однако, несмотря на это, Лувр все равно больше напоминал типичную средневековую крепость. Только в эпоху Возрождения возникло новое понятие культурных ценностей, претерпело определенные изменения мировоззрение, а значит, появились совершенно иные требования к архитектуре.

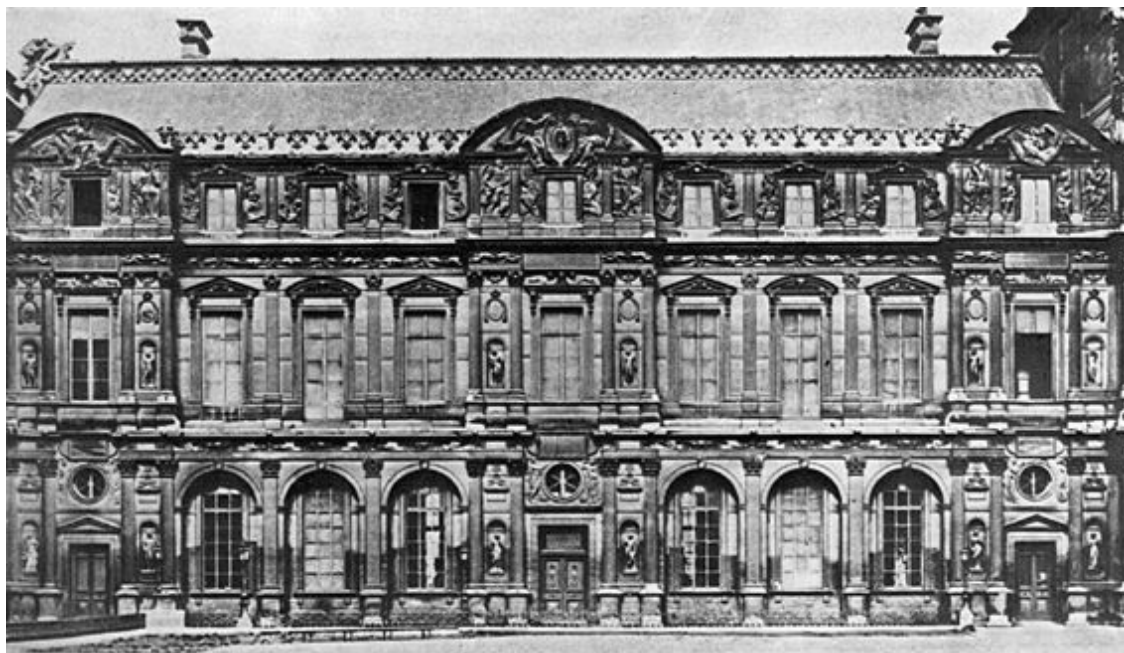
В период царствования Франциска I во Франции сформировалась мощная королевская власть, сильная централизованная монархия. Это, несомненно, способствовало культурному развитию страны. Кроме того, в результате походов французских монархов в Италию на протяжении шестидесяти пяти лет во Францию проникло искусство итальянского Возрождения. Завоеватели, покоренные итальянским искусством, начали вывозить из Италии произведения искусства.

Король Франциск I позаботился о том, чтобы большую часть средневекового замка снесли, а вместо него в 1540-е годы начали строить новый королевский дворец.

Дворец Франциска I был исполнен в духе французского Возрождения, для которого характерно отчетливое членение этажей, а также украшения в виде полуколонн и пилястров коринфского ордера. Здесь же красовались искусные барельефы и статуи.

Большинство скульптурных изображений создавал Жан Гужон, который работал в одно время с архитектором Пьером Леско.

Можно сказать, что основа луврской коллекции сложилась в эпоху Ренессанса.



Лувр. Фасад

Франциск I собирал в своих апартаментах богатые подношения от итальянских властителей, а, как известно, именно Италия была родоначальницей Ренессанса. Италия немедленно превратилась в непререкаемый художественный авторитет для французских граждан.



Ж. Клуэ. Портрет Франциска I

Жители Франции с наслаждением читали гениальные произведения Данте, переводили остроумные сочинения Джованни Боккаччо. Франциск I приглашал во Францию самых лучших итальянских живописцев, архитекторов и скульпторов.

По приглашению короля во Францию в 1517 году прибыл Леонардо да Винчи, уже глубокий старик. Он привез в подарок Франциску I несколько своих полотен, которые затем стали ядром ренессансной коллекции. Это прежде всего «Святая Анна с Марией и Христом», «Иоанн Креститель» и один женский портрет. Исследователи предполагают, что это была «Джоконда».

В Фонтенбло в 1530–1550-е годы долгое время работали легендарный скульптор и ювелир из Флоренции Бенвенуто Челлини, художники Приматиччо, Николо дель Аббате, Россо.

Среди этих мастеров особенно примечательна личность Бенвенуто Челлини – одного из звезд флорентийского искусства XVI века. Он пользовался невероятной известностью как несравненный ювелир, талантливый скульптор и одаренный писатель. Этот человек, обладающий неукротимым темпераментом, провел жизнь бурную и полную странствий. Челлини работал по заказам римских пап, при дворах герцогов Флоренции и Мантуи. Некоторое время скульптор трудился и при дворе французских королей.

Творчество Челлини в полной мере передает противоречия его внутреннего мира, сложность художественных поисков. Он известен как один из несравненных флорентийских мастеров, который хотел воплотить в своей скульптуре героические идеалы эпохи Ренессанса. В подобном духе исполнена его статуя «Персей» (1545–1554). В то же время Челлини предстает перед зрителем и как маньерист, разочарованный в тех же героических идеалах. Подобные настроения сказались и на особенностях творческой манеры художника. Как и все маньеристы, он со временем все дальше отходил от традиций реализма; фигуры в его произведениях предстают с нарочито искаженными пропорциями. Впрочем, такие работы в значительной мере оказали воздействие на пластику французской скульптуры XVI века.

Ярким примером работы, созданной в стиле маньеризма, является скульптурный рельеф «Нимфа Фонтенбло» (1543–1544). В это время Челлини во второй раз посетил двор Франциска I и изготовил «Нимфу» по его заказу для замка Фонтенбло. Это произведение впоследствии Генрих II подарил своей фаворитке Диане де Пуатье.

В 1562 году зодчий Филибер Делорм использовал этот рельеф для декора центрального входа замка Анэ. Рельеф изображает обнаженную нимфу, лежащую около источника. Ее голова украшена венком из цветов и фруктов. Правая рука нимфы обвивает оленью шею. Головка нимфы кажется особенно маленькой по сравнению с чрезмерно удлиненными пропорциями ее тела. В целом фигура создает впечатление изысканной красоты и обаяния, однако здесь нет характерного для итальянского Возрождения чувства внутренней силы. Таким образом, перед зрителем образ не реальный, а отвлеченный, в значительной мере идеальный.

Под влиянием «Нимфы» Челлини создавали свои произведения многие французские мастера. Именно такова мраморная статуя «Диана-охотница», которая попала в луврскую коллекцию с фонтана замка Анэ. Автор этого шедевра неизвестен. Некоторые искусствоведы полагают, что это работа Гужона, другие приписывают авторство Пилону, поскольку находят похожие стилистические черты в «Диане» и в «Трех грациях». Таким образом, кто является автором «Дианы», до настоящего времени остается загадкой, однако бесспорно лишь одно: скульптуру создавал французский мастер школы Фонтенбло, хотя образ Дианы-охотницы пользовался популярностью у итальянских мастеров – Челлини, маньеристов Россо и Приматиччо.

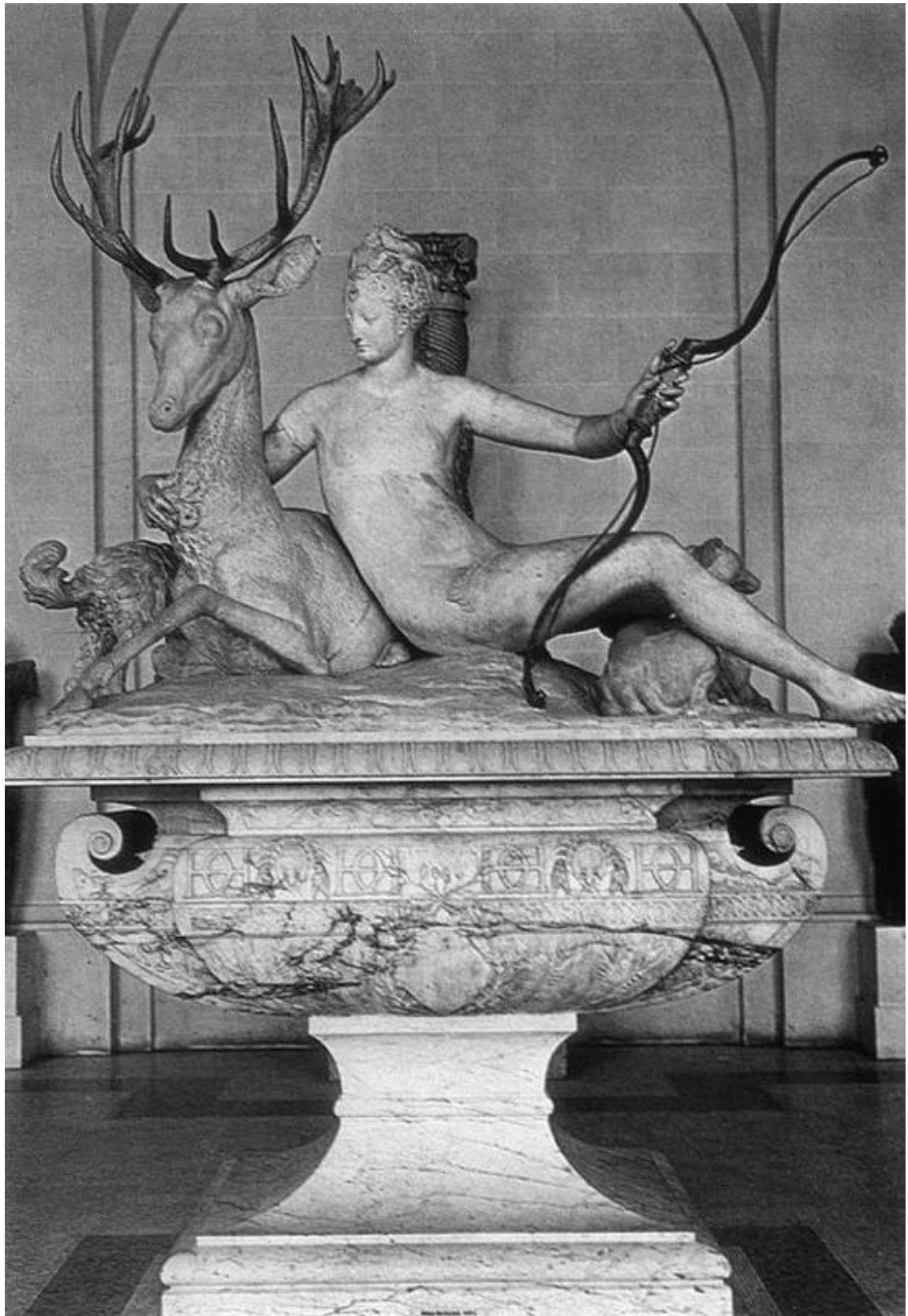


Б. Челлини. Нимфа Фонтенбло

Художник изобразил Диану полулежащей. Одна ее рука обнимает оленя, в другой охотница крепко держит лук. Очень многие усматривают в гордо поднятой голове богини черты возлюбленной двух французских монархов – Франциска I и Генриха II, Дианы де Пуатье.

Стиль маньеристов сказывается в нарочито удлинённых пропорциях фигуры Дианы, однако нельзя отрицать и влияния античного искусства. В это время французские художники уже познакомились со многими античными образцами, вывезенными из Италии, однако классические пропорции творчески ими перерабатывались в соответствии со стилистической манерой школы Фонтенбло.

«Диана» из Лувра отличается не только виртуозностью исполнения, но и некоторой холодностью и даже отчужденностью. Скульптура настолько идеальна, что кажется почти лишенной живости и конкретности черт. Однако несмотря на то, что образ богини условен, статуя прекрасна; ее силуэт четок, построение ритмично, а в грации чувствуется удивительное обаяние. Надо сказать, что «Диана-охотница» стала первой садовой статуей, исполненной французским мастером.



Неизв. скульптор. Диана-охотница

Итальянские живописцы работали над росписями королевского дворца в Фонтенбло. Французских художников очаровала свободная манера письма итальянцев, их способность с легкостью передавать самые сложные позы и движения, а также захватила античная тематика.

Во французском искусстве возникло целое направление, которое получило название «школа Фонтенбло». В Фонтенбло, помимо картин, впоследствии перешедших в сокровищницу Лувра, находилась редкая библиотека, где основное место занимали творения выдающихся мастеров древности, а также античные статуи и медали.



**П. Перуджино. Мадонна с младенцем, св. Екатериной, св. Розой и ангелами.
Деталь**

В период XV–XVI столетий французский король получил в дар «Святого Себастьяна» Мантеньи, «Обручение святой Екатерины» Фра Бартоломмео, полотна Рафаэля, Себастьяна дель Пьомбо и Перуджино.

Тициан прислал Франциску I его профильный портрет. Художник в своей работе использовал не оригинал, а медальный профиль. В это же время королевское собрание пополнилось произведениями французских художников, основоположников новой французской школы. В ренессансную коллекцию Лувра вошли полотна Жана и Франсуа Клуэ, Корнеля де Лиона и многих других живописцев.

Для абсолютной объективности следует заметить: коллекция Лувра зародилась отнюдь не в самом Лувре. Франциск I хранил все собранные шедевры в любимейшем своем дворце – Фонтенбло.

В августе 1530 года в Париже был основан научный институт – Коллеж де Франс, где существовали кафедры греческого и восточных языков, математики, философии и медицины. В 1540 году король распорядился, чтобы в Грецию отправилась специальная экспедиция, целью которой были поиски античных рукописей и других памятников древности. В самом Париже активно строились дворцы в стиле Возрождения. Естественно, что в подобной обстановке старому Лувру предстояло погибнуть и возродиться заново под руководством прославленного Пьера Леско, который завершил строительство при короле Генрихе II. В настоящее время эта часть луврского ансамбля входит в южную половину западного крыла Кур-карре; здесь находятся Зал кариатид, Зал балов и Тронный зал.

Постройка Леско в наши дни видна со стороны так называемого Кур-карре, то есть Квадратного двора.

В конце XVI столетия при Карле IX Лувр превратился в постоянную резиденцию французских королей (до этого они в основном предпочитали жить на острове Сите). С тех пор каждый король расширял Лувр, делая перестройки, соответствующие тому времени. Большое крыло Лувра появилось во времена Карла IX и его брата, Генриха III.

Когда умер Генрих II, муж Екатерины Медичи, то королева решила оставить дворец Турнель, где проживала до сих пор. Она поселилась в Лувре и всегда считала его своей резиденцией. Однако рядом с Лувром Екатерина Медичи повелела возвести еще один дворец.

Поскольку неподалеку располагалась черепичная фабрика, то и новое здание получило наименование Тюильри (что в переводе с французского языка означает «производство черепицы»).

Это было тревожное и бурное время дворянских заговоров и смут. Екатерина Медичи решила, что будет разумно пристроить к соседним дворцам галерею, наподобие тех, что существовали в ее родной Флоренции и соединяли Галереи Уффици и Питти. Благодаря такой удобной галерее можно было переходить из одного дворца в другой, минуя улицу.

В 1565 году вдоль берега Сены заложили галерею, похожую на флорентийскую, но стройка в Тюильри помешала ее возведению.

Глава 2. Лувр во времена короля, хотевшего иметь все небо

Есть города, в которые нет возврата.
Солнце бьется в их окна, как в гладкие зеркала.
То есть в них не проникнешь ни за какое золото.
Там всегда протекает река под шестью мостами.
Там есть места, где припадал устами
тоже к устам и пером к листам. И
там рябит от аркад, колоннад, от чугунных пугал;
там толпа говорит...
на языке человека, который убыл.

И. Бродский

Однако хотелось бы остановиться на событиях той бурной эпохи, в которой максимально проявился дух, присущий резиденции французских королей и столь привлекательный для писателей; недаром при слове «Лувр» читатель обязательно вспоминает романы Александра Дюма или Проспера Мериме. В настоящее время Лувр – прежде всего музей, но когда-то там кипели страсти и решалась судьба всей страны. Конечно, невозможно охватить всю историю королевского замка и все события, безмолвным свидетелем которых он стал за восемьсот лет существования. Но неслучайно писатели чувствовали, что свой расцвет эта романтическая и драматическая эпоха переживала в XVI столетии, во времена царствования Карла IX, Екатерины Медичи, Генриха III, когда Лувр превратился в королевскую резиденцию в полном смысле этого слова.

Особенно интересной представляется личность Генриха III, погибшего в августе 1589 года от руки наемного убийцы. Перед смертью король сказал: «Я знаю, что последний час моей жизни станет первым часом моего блаженства». И эти слова были искренни; недаром у Генриха был девиз: «Последняя корона – на небесах». Этот монарх желал иметь все небо, а его земная жизнь представляла собой череду невообразимых неурядиц и трудностей. Иногда Генриха III называют «шекспировским принцем». Он стремился лишь к вечному блаженству, но несчастная судьба не оставляла его, а участь монарха приходилось разделять и его подданным. Самый неудачливый и самый справедливый король, никогда никому не сказавший обидного слова – какая ирония злой судьбы!

После смерти Генриха II, раненного на турнире копьем Монтгомери, во Франции наступила череда несчастий и неудач. Настала страшная для страны эпоха упадка и волнений, несмотря на то что королевский двор в Лувре блистал пышностью, как, быть может, никогда ранее. Королевского ребенка называли «Ваше Величество», однако этот ребенок являлся просто игрушкой в руках различных политических партий.



Ф. Клуэ. Портрет Карла IX в юности

Если Франциск I и Генрих II имели только собственных подданных, то последние Валуа могли видеть перед собой то сторонников принца Конде, то короля Наваррского, то собственного брата Генриха III, то герцога Анжуйского. Произошло ослабление государственной власти, что немедленно почувствовали города и провинции. Противостояния раздирали страну на части, и в первую очередь – религиозные. В результате кровавые войны терзали страну с 1560 по 1598 год. Все оказались зараженными духом религиозного фанатизма.

Королевская власть была до предела ослаблена: более тридцати лет она находилась в руках женщины, Екатерины Медичи. Нация разделилась на папистов и гугенотов. Феодализм поднял голову.

В результате Франция отказалась от каких бы то ни было внешних притязаний. «Итальянские войны» ушли в прошлое.

Итак, миновало тридцать лет после смерти Генриха II, а от многовекового труда дома Капетингов не осталось камня на камне. Отпрыски короля были больны туберкулезом – Франциск II, Карл IX, Франсуа Анжуйский и хрупкий, ранимый Генрих III. Не видать Генриху короны, если бы Франциск II и Карл IX оставили наследников, однако этого не могло произойти.

Генрих III был любимым сыном Екатерины Медичи. Несмотря на относительно хорошее здоровье, он часто болел из-за психической неуравновешенности. Временами он бросал Лувр, чтобы отдалиться беспорядочной парижской жизни, потом вдруг чувствовал тягу к духовному уединению. Несмотря на любознательный ум, он испытывал потребность постоянно советоваться с Екатериной Медичи и сестрой Маргаритой. Эти обитатели Лувра – любопытная и в то же время, несомненно, патологическая королевская семья – невольно заставляют вспомнить слова Священного Писания о царстве, не способном устоять, поскольку воюет против себя, поскольку разделено в себе же самом.

Положение Екатерины Медичи являлось чрезвычайно нестабильным. С 1560 года она симпатизировала то гугенотам, то протестантам, раздиравшим страну на части. До сих пор ей удавалось избегать ошибок. Но будет ли так всегда?

После долгих раздумий Екатерина приняла решение. Если существовал такой человек, который хотел обойти королевскую власть, нарушал во Франции мир и спокойствие, то следовало сделать так, чтобы он бесследно исчез. Речь шла о главе гугенотов, адмирале Колиньи. Он выступал против приказов короля, а значит, должен был, по крайней мере, лишиться королевской милости, а может быть, даже подвергнуться аресту и суду. Однако нерешительный Карл IX никогда не пошел бы на это в открытую, тем более что поступить с адмиралом таким образом – значило вызвать новое восстание гугенотов.

Колиньи должен исчезнуть, но без королевского участия, без законного порядка. Королева разработала тайный план без ведома своего сына-короля. Но другого пути не существовало, ибо дать мир могло только устранение адмирала, и, кроме того, он мешал королеве оставаться у власти.

Это дело было очень тонкое. По случаю бракосочетания короля Наваррского с Маргаритой Валуа в Париже собралась вся гугенотская знать. Притом под началом самого Колиньи находилось 7–8 тысяч солдат. Екатерина решила устранить адмирала при помощи Гизов, твердивших с 1563 года о своем намерении покарать Колиньи за убийство Франсуа де Гиза. Вдова Франсуа де Гиза предоставила в распоряжение королевы-матери наемного убийцу по имени Моревер, а престарелый воспитатель Генриха де Гиза отдал заговорщикам свой дом на улице Фоссе-Сен-Жермен (здесь Колиньи всегда останавливался, когда приезжал в Лувр).

Осуществить план решили в пятницу 22 августа, утром, после того как окончится заседание Совета, который должен был пройти в Лувре. Непременным условием являлось отсутствие Карла IX, но это легко устроить: короля задержит месса в часовне Отель де Бурбон.

И это покушение, настолько тщательно подготовленное, провалилось самым ничтожным образом. Мореввер выстрелил, однако дал промашку: Колиньи повернулся, то ли чтобы сплунуть, то ли чтобы поправить башмак. Одна пуля неудачливого убийцы попала в левую руку, вторая – в палец на правой руке. Адмирал понял, что заказчиками покушения являлись Екатерина Медичи и Гизы. Гневу Карла IX, который находился во дворе Лувра за игрой в теннис, не было предела. «Я никогда не смогу отдохнуть! – воскликнул он. – Все время возникают новые проблемы!» Он швырнул на землю свою ракетку и вернулся в Лувр.

Испуганная королева также поспешила скрыться в одной из комнат дворца вместе с герцогом Анжуйским, чтобы решить, как обмануть короля, который жаждал свершить правосудие. Как выпутаться из такого крайне тяжелого положения? Что делать, когда в Париже собралось не менее 10 тысяч гугенотов вместе с их вождями? Дело грозило обернуться новой гражданской войной.

Наконец в уме этой страстной и отчаявшейся женщины мелькнула мысль о всеобщем избиении гугенотов. Тем более что на ужине в Лувре один из гасконских гугенотов, Пардайан, заявил Екатерине в лицо, что у адмирала состоялось совещание, на котором решили убить и саму королеву, и всех ее сыновей. Вероятно, что именно так и было, и если бы после неудачного покушения на адмирала королева упустила пару дней, то с ней сделали бы то, что она сделала с другими.

Екатерина вместе с герцогом Анжуйским отправилась к Карлу и заявила, что спасти их может лишь убийство гугенотов. Король всячески отказывался и упорствовал. Екатерина грозила покинуть королевство, а Карл продолжал твердить о королевской чести. Наконец Екатерина сделала вид, будто поняла: король боится принять твердое решение. Это было самое болезненное место Карла IX. Его гнев был страшен. Под сводами Лувра прозвучали его слова: «Вы хотите этого. Хорошо! Пусть их всех убьют! Пусть их всех убьют!»

Так, сказав свое «да», король покинул зал заседаний Совета, а заседание продолжилось. Совет вполне хладнокровно занимался тем, что составлял список жертв: Колиньи, Телиньи и так далее. Королева лично добавила пять или шесть имен. Происходящее напоминало полицейскую акцию. Затем перешли к кандидатурам палачей. Решили, что Генрих де Гиз с его братом, герцогом д'Омалем Ангулемским, пойдут к адмиралу. Поддержать общественный порядок поручили Клоду Марселью, но упустили из виду, что Марсель, по сути, являлся фанатиком и сторонником крайних мер. Если уж велели убивать главарей, то зачем оставлять в живых какую-то мелочь? Он отдал приказ своим солдатам: убивать всех гугенотов без разбора. Ведь король сам сказал: «Пусть их всех убьют!» Марсель, как человек действия, самостоятельно решил довести начатое до конца. Именно он виновен в том, что экстренные меры, принятые напуганной королевой, превратились в самый настоящий кошмар.

И вот в день Святого апостола Варфоломея раздались быстрые звуки набата с церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа, что располагается непосредственно напротив Лувра. Сигнал к началу трагического действия был подан. Немедленно на звук этого колокола откликнулись колокола всех парижских церквей, таким образом призывая к всеобщей беспощадной резне, вошедшей во все учебники истории под названием «Варфоломеевская ночь». Лувр был ее безмолвным свидетелем.

После трагедии, произошедшей 24 августа 1572 года, изменилось отношение подданных к своему королю. Монарху следовало подчиняться, а если и воевали, то не с ним, а с его вероломными советниками. Теперь напрочь исчезло то мистическое почитание и уважение, которым был окружен король. Для протестантов теперь королевская лилия опозорена; остались лишь единственные лилии, достойные уважения, – те, что украшают незапятнанное поле Евангелия.

Как известно, лицо королевского двора определяется личностью его хозяина, а потому Генрих III заслуживает особенно пристального внимания, поскольку иначе невозможно будет понять дух Лувра XVI столетия.

По описанию современников, Генрих III отличался высоким ростом. У него были длинные изящные ноги, не слишком широкие плечи и узкая грудная клетка. Если его дед, Франциск I, создавал впечатление спокойной и уверенной в себе силы, то при взгляде на Генриха III оставалось ощущение изящества и грациозности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.